

УДК 327:339

*Севастьянов С.В., Реутов Д.А.
Sevastyanov S.V., Reutov D.A.*

Россия на рынке углеводородов СВА в условиях низких цен и антироссийских санкций

**Russia on the hydrocarbon market of Northeast Asia
in the face of low prices and anti-Russian sanctions**

По мнению авторов, несмотря на снижение цен на углеводороды и антироссийские санкции стран Запада, Россия продолжает нефтегазовую экспансию в СВА. В статье предпринята попытка определить экономические, финансовые, политические и технологические стимулы и ограничения для энергетического сотрудничества России и стран СВА в условиях низких цен на энергоносители и санкций и проанализировать совокупное влияние действующих стимулов и ограничений на перспективы его развития. Приводятся рекомендации по укреплению нефтегазового сотрудничества России со странами СВА при сложившейся политической и экономической конъюнктуре.

Ключевые слова: *энергетическое сотрудничество, Китай, Япония, Республика Корея, санкции, Дальний Восток*

Authors suggest that Russia continues oil & gas expansion in NEA, despite the decline in hydrocarbon prices and anti-Russian sanctions imposed by the West. In this article an attempt has been made to clarify economic, financial, political and technological incentives and disincentives that influence current state and perspectives for cooperation of Russia and the countries of NEA in the face of low energy prices and sanctions. The recommendations for strengthening oil & gas cooperation of Russia and the countries of NEA in the situation of current political and economic sanctions are provided.

Key words: *energy cooperation, China, Japan, South Korea, Russian Far East*

В XXI в. международное энергетическое сотрудничество, под которым подразумевается комплекс политических, организационных, производственных, коммерческих и научно-технических связей по геологоразведке, освоению, добыче, транспортировке, переработке и обмену энергоресурсами с участием государств, их групп и международных организаций, а также отдельных хозяйствующих субъектов, направленный на обеспечение энергетической безопасности и основанный на

Выполнено в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ, по проекту № 1430 «Формирование нового международного порядка в АТР и национальные интересы России».

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д.полит.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** sevastyanov.sv@dvfu.ru

РЕУТОВ Дмитрий Александрович, начальник Отдела маркетинга ООО «Дальзавод» (г. Владивосток). **E-mail:** reutov.dmitrii@mail.ru

принципах независимости, соблюдения национального суверенитета государств, достижения взаимной экономической выгоды участников, приобретает возрастающую роль в международных отношениях.

Россия играет заметную роль в международном энергетическом сотрудничестве: в 2015 г. в России было добыто 540,7 млн. тонн нефти (3 место в мире) и 573,3 млрд. м³ природного газа (2 место в мире), а экспортировано 244,5 млн. тонн нефти (2 место в мире) и 185,5 млрд. м³ природного газа (1 место в мире) [21]. За счёт падения цен на углеводороды доля нефти, нефтепродуктов и природного газа в стоимостной структуре экспорта России в 2015 г. упала на 11 %, однако углеводороды продолжают оставаться основной статьёй российского экспорта, формируя 62 % [5] экспортных доходов. Монотоварная экспортная специализация обуславливает уязвимость России к внешним политическим и экономическим факторам из-за чрезмерной зависимости внешнеторгового баланса от мировых цен на энергоносители, которые резко снизились в 2014г. и продолжают оставаться на низком уровне. Дополнительную опасность для России создаёт недостаточная диверсификация поставок: в 2015 г. на долю европейского рынка пришлось 68,5 % экспорта нефти и 73 % экспорта газа, а на долю стран СВА – 29,9 % экспорта нефти и 10,8 % экспорта газа [1].

Через негативных для отрасли событий, начавшихся в 2014 г., таких как падение цен на углеводороды, введение финансовых и технологических санкций стран Запада в отношении России в связи с присоединением Крыма к России и конфликтом на востоке Украины, могут привести к снижению уровня добычи углеводородов и невозможности освоения новых месторождений. Это, в свою очередь, может вызвать спад российской экономики, рост дефицита федерального бюджета и финансовую нестабильность российских нефтегазовых компаний, включая государственных монополий.

Чтобы избежать реализации подобного негативного сценария, Москва форсирует реализацию углеводородных проектов в СВА. Регион является единственным альтернативным Европе рынком сбыта российских углеводородов и потенциальным источником капитала и технологий. Это связано с удобной географией поставок, растущим объёмом спроса на энергоносители в регионе, масштабом рынков капитала и технологическим развитием стран СВА.

В первой части статьи охарактеризованы основные действующие и перспективные проекты углеводородной энергетики России в СВА, а во второй представлен анализ факторов, оказывающих влияние на энергетическое сотрудничество России и стран СВА в условиях низких цен и антироссийских санкций, и оценены перспективы его развития.

Действующие и перспективные энергетические проекты РФ в СВА

Нефть. Рост поставок нефти из России в СВА начался более 10 лет назад (задолго до так называемого российского «поворота на Восток») и был обусловлен сугубо экономическими мотивами. За прошедшее десятилетие было реализовано несколько масштабных проектов по добыче и транспортировке нефти, позволяющие России играть заметную роль на нефтяном рынке СВА.

В 2015 г. Россия поставила в Китай 38,58 млн тонн нефти [1], что сформировало 11,2 % от общего импорта нефти Китая. Основные поставки нефти из России в Поднебесную осуществляются через нефтепровод ВСТО (16 млн тонн), из морского терминала «Козьмино» в Приморском крае (14,7 млн. тонн) [10], куда нефть также поступает по нефтепроводу ВСТО, а также с сахалинских месторождений (1,4 млн. тонн) [3].

Поставки по нефтепроводу осуществляются с 2011 г. по контракту «Роснефти» и China National Petroleum Corporation (CNPC), заключённому в 2009 г. и предусматривающему поставки 15 млн. тонн нефти ежегодно до 2030 г. В 2013 г. «Роснефть» и CNPC заключили контракт на поставку по этому нефтепроводу дополнительно 365 млн. тонн нефти в течение 25 лет. Потенциальный объём экспорта нефти из России в Китай оценивается в 60 млн. тонн к 2020 г. и до 73 млн. тонн к 2030 г. [25]. Для достижения этих показателей необходимо освоение труднодоступных и шельфовых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока, что потребует значительных инвестиций и применения современных технологий и оборудования.

Помимо поставок сырой нефти, Россия и Китай проявляют интерес к инвестиционному сотрудничеству в нефтяной сфере: в 2013 г. CNPC приобрела у «Роснефти» долю в 49 % в совместном предприятии по освоению Среднеботуобинского месторождения в Якутии, также было подписано Соглашение между Правительствами РФ и КНР о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации Тяньцзиньского нефтеперерабатывающего и нефтехимического завода и проектах в сфере разведки и добычи нефти. В конце 2014 г. обсуждалась возможность продажи доли Китаю в Ванкорском месторождении, также с 2014 г. Китай рассматривается в качестве одного из возможных покупателей 19,5 % акций «Роснефти».

В 2015 г. поставки нефти в Японию из России составили 14,58 млн. тонн [1], что сформировало 7,7 % от общего импорта нефти Японии. Основные поставки осуществляются с сахалинских месторождений (4,5 млн. тонн), а также из морского терминала «Козьмино» (8,7 млн. тонн). Российско-японское нефтяное сотрудничество представлено также участием японских компаний в качестве миноритариев в сахалинских проектах: Marubeni Corporation имеет 30 % акций в консорциуме «Сахалин-1», Mitsui и Mitsubishi владеют в проекте «Сахалин-2» 12,5 % и 10 % акций соответственно.

РК (Республика Корея) в 2015 г. импортировала из России 12,36 млн. тонн нефти, что сформировало 10,9 % от общего импорта нефти РК. Основной объём нефти в РК поставляется с сахалинских месторождений (6,9 млн. тонн), а также из морского терминала «Козьмино» (3,2 млн. тонн).

Перспективы развития нефтяного сотрудничества России с Японией и РК представлены возможностью увеличения поставок с о. Сахалин и терминала «Козьмино». Так, прогнозные извлекаемые запасы месторождений только проекта «Сахалин-3» превышают 700 млн. тонн нефти, однако пока на проекте развивается только добыча газа. Что касается «Козьмино», то проблем с ресурсной базой в Восточной Сибири и увеличением пропускной способности ВСТО нет, а объём отгрузок порта к 2018 г. планируется увеличить с текущих 30,4 млн. тонн до 35 млн. тонн [8].

Природный газ. Для России увеличение поставок природного газа в СВА обусловлено необходимостью их диверсификации в условиях обострения политических отношений России с ЕС и роста транзитных рисков при экспорте газа в Европу. СВА в силу потенциала роста газового рынка и удобной географии поставок является для России важнейшим альтернативным Европе направлением экспорта. Благоприятная перспектива наращивания объёмов поставок природного газа в СВА обусловлена стремительным развитием азиатских экономик, возможностью доставки газа с использованием технологии СПГ, которая на сегодня является единственным возможным способом доставки газа в Японию и РК, а также воздействием экологического фактора, весьма актуального для всех государств СВА.

Ежегодные темпы роста потребления газа в Китае составляют 5 %, объём потребления в 2015 г. составил 197,3 млрд. м³, объём потребления газа в Японии и РК последние несколько лет стабилен и составляет примерно 115 и 47 млрд. м³ соответственно.

В соответствии со стратегическим российско-китайским контрактом, подписанным в мае 2014 г. в Шанхае, поставки по газопроводу «Сила Сибири» с Чаяндинского месторождения в Якутии начнутся в 2019 г. в объёме 38 млрд. м³ в год, а в дальнейшем могут достигнуть 60 млрд. м³. Строительство газопровода «Сила Сибири» в Китай является ключевым российским газовым проектом в СВА.

На саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. был подписан Меморандум в сфере поставок газа из РФ в Китай по «западному» маршруту объёмом 30 млрд. м³ сроком на 30 лет. В случае реализации этого проекта КНР станет крупнейшим экспортёром российского газа. При этом поставки планируется осуществлять с месторождений Западной Сибири, а это та же ресурсная база, которая используется для поставок в Европу. Таким образом, Москва получит дополнительный рычаг энергетической дипломатии и сможет согласовывать более выгодные условия поставок. Реализация этого проекта, вероятно, будет возможна только после завершения «Силы Сибири», что связано с большими финансовыми и административными ресурсами на его выполнение.

В 2015 г. Россия поставила в Японию 7,32 млн. тонн газа, что сформировало 9,2 % импорта Японии. В РК было поставлено 2,07 млн. тонн газа, что сформировало 4,7 % импорта РК [1]. Поставки газа осуществляются с единственного в России действующего завода СПГ на о. Сахалин, построенного в рамках проекта «Сахалин-2» с использованием капитала и технологий Mitsui и Mitsubishi. Ориентация на российские поставки позволяет Японии сократить транспортные издержки (доставка СПГ с Сахалина занимает 3–4 дня, а доставка с Ближнего Востока – 3–4 недели), а также избежать рисков, связанных с пиратством в районе Малаккского пролива и других районах мирового океана.

Перспективным проектом, который активно поддерживается японскими учёными и экспертами, является прокладка подводного газопровода мощностью до 5,8 млн. тонн в год с о. Сахалин на о. Хоккайдо и далее до о. Хонсю. Заинтересованность Японии проектом строительства газопровода обусловлена низкой стоимостью трубопроводного газа по сравнению с СПГ и отсутствием необходимости строительства регазификационной инфраструктуры. Токио подчёркивает, что проект газопровода не подпадёт под санкции и не потребует значительных затрат с российской стороны, так как протяжённость российской части газопровода составит всего 60 км [18].

В то же время строительство подводного газопровода сопряжено с природными рисками, так как район предполагаемой прокладки газопровода характеризуется высокой сейсмической активностью, сильными подводными течениями и частыми штормами. Существует угроза сохранности морских биоресурсов. Наконец, следует принять во внимание политические риски, связанные с проблемой принадлежности южных Курильских островов и эксплуатацией объекта, затрагивающего территориальные воды и исключительные экономические зоны двух государств.

Альтернативой газопроводу является строительство дополнительной технологической линии на 5 млн. тонн завода СПГ на о. Сахалин. Меморандум о строительстве третьей очереди проекта «Сахалин-2» между «Газпромом» и Shell был подписан в 2015 г. Для полной загрузки третьей линии завода «Газпром» способен поставить дополнительные объёмы газа за счёт добычи в рамках проекта «Сахалин-3». Однако

строительству третьей очереди завода СПГ на Сахалине препятствуют санкции США, запрещающие поставлять в Россию специальное добычное оборудование, что тормозит освоение ресурсной базы. В связи с этим, третья очередь будет запущена не ранее 2021 г. [2].

Кроме того, в партнёрстве с японскими Mitsui и Mitsubishi «Газпром» планировал строительство завода СПГ в Приморском крае. Ресурсной базой этого завода должны были стать месторождения Восточной Сибири, откуда газ предполагалось доставлять по газопроводу «Сила Сибири», и месторождения шельфа о. Сахалин, откуда в Приморский край «Газпром» в 2011 г. проложил газопровод. Однако, после заключения стратегического контракта на поставку газа с Китаем, от планов по строительству завода СПГ в Приморье было решено отказаться, так как первоочередной задачей стало обеспечение ресурсной базы для поставок в Поднебесную. На это решение также повлияли падение цен на газ и экономические санкции против России, которые ограничили возможности участия японских финансовых и технологических партнёров в проекте.

Либерализация российского экспорта СПГ в 2013 г. лишила «Газпром» монополии на этом рынке и подстегнула продвижение СПГ проектов других компаний. Так, в июне 2013 г. «Роснефть» заключила соглашение с японскими Marubeni и SODECO об условиях поставок СПГ с о. Сахалин с 2019 г. Предполагалось, что ежегодно Marubeni будет получать от «Роснефти» 1,25 млн. тонн, а «SODECO» – 1 млн. тонн. Однако в начале 2015г. реализация проекта из-за нехватки финансирования, снижения цен на СПГ и падения спроса была отложена на срок от трёх до пяти лет [7].

Компания «Новатэк», которая ведёт строительство завода «Ямал СПГ» мощностью 16,5 млн. тонн, предлагала японским компаниям Tokyo Gas, Tokyo Electric, Itochu, Mitsubishi и Mitsui приобрести долю в проекте, однако в итоге 20 % долю получила китайская CNPC. Тем не менее, японские компании JGC Corp., Chiyoda и Yokogawa Electric получили крупные подряды на проектирование, поставку оборудования, материалов и комплектующих, строительство и ввод в эксплуатацию комплекса по подготовке и сжижению природного газа. Япония рассматривается в качестве одного из ключевых потребителей газа Ямала, поставки будут осуществляться по Северному морскому пути, для чего уже сейчас ведётся постройка танкерного и ледокольного флота [24].

Отдельно следует упомянуть проект строительства газопровода из РФ в РК через территорию КНДР, переговоры по которому в настоящее время заморожены из-за очередного обострения межкорейских отношений. Это не отвечает интересам Москвы, для которой этот проект имеет не только коммерческое, но и большое геополитическое значение, так как способен повысить политическую и экономическую значимость России на Корейском полуострове.

В настоящее время среди новых газотранспортных проектов наиболее жизнеспособными видятся «Сила Сибири» и «Ямал СПГ», в успешном завершении которых нет никаких сомнений, а также проект строительства третьей очереди завода СПГ на о. Сахалин. Проект СПГ «Роснефти» на о. Сахалин и «Владивосток СПГ» «Газпрома», которые нацелены именно на японский и южнокорейский рынки, в условиях падения цен на углеводороды и действия санкций имеют невысокие шансы осуществления. Наименьшую вероятность реализации имеют проекты строительства газопроводов в Японию и РК. Тем не менее, некоторые из этих проектов могут быть активированы в случае выгодных предложений от потенциальных инвесторов и технологических партнёров, и в

случае проявления политической воли со стороны Москвы, Пекина, Токио и Сеула.

Так, выступая на Красноярском экономическом форуме, вице-премьер правительства РФ А. Дворкович заявил об отсутствии политических препятствий и пригласил китайские компании к полномасштабному участию в освоении стратегических газовых и нефтяных месторождений (за исключением шельфовых, где они могут быть допущены только в качестве миноритарных акционеров) в Сибири и на Дальнем Востоке России [12]. Данная позиция правительства, облегчающая допуск иностранных компаний к освоению стратегических месторождений углеводородов на российской территории, сначала касалась только китайских компаний, но в дальнейшем аналогичные предложения стали поступать и японским инвесторам, что свидетельствует о существенном изменении базовых принципов так называемой «новой энергетической политики» России, которая была разработана в середине прошлого десятилетия и жёстко ограничивала допуск иностранных компаний к разработке подобных месторождений [26]. В целом, сотрудничество в углеводородной сфере, с учётом вышеупомянутого изменения позиции правительства РФ, Шанхайских договорённостей 2014 г. по поставкам трубопроводного газа в Китай и ожидаемых новых соглашений в этой сфере в ходе визита В. Путина в Японию в декабре 2016 г., выходит на более высокий уровень и со временем способно привести к началу претворения в жизнь давно обсуждаемой концепции энергетического кольца СВА.

Анализ факторов энергетического сотрудничества России и стран СВА в условиях низких цен и антироссийских санкций

Ключевым программным документом, определяющим энергетическую политику России, является Энергетическая стратегия России до 2030 г. Обновлённую Энергетическую стратегию России до 2035 г. планировалось принять в 2014 г., однако, по состоянию на октябрь 2016 г., она не утверждена, чему препятствуют валютные колебания, падение цен на углеводороды, а также антироссийские санкции. По оценкам экспертов, Энергетическая стратегия России до 2035 г. нацелена на ещё более ускоренный (по сравнению с предыдущей версией Стратегии) выход на рынок АТР, доля которого в российском экспорте нефти должна возрасти к 2035 г. до 32 %, а в экспорте газа – до 33 % [19].

В то же время новая Стратегия предполагает, что рост импорта углеводородов будет замедляться, так как большинство стран диверсифицируют структуру энергетики, развивают альтернативные источники энергии, что сужает рыночные ниши для России. Валютные поступления от энергетического экспорта расти не будут: на европейском направлении – по причине ограниченного спроса, на азиатском – из-за недостаточности инфраструктуры и необходимости больших капиталовложений в её развитие. Из-за высокой стоимости капитала и ограниченного доступа добычи и поставок российских энергоресурсов могут быстро нивелироваться. Для поддержания конкурентоспособности России требуется существенное снижение издержек, радикальное повышение гибкости экспортной политики, продуктовая и географическая диверсификация.

В связи со стратегией России по дальнейшему увеличению экспорта углеводородов в СВА, а также попыткой переориентации на рынки капитала и технологий Китая, Японии и РК в условиях низких цен на углеводороды и антироссийских санкций, целесообразно проанализировать влияние различных факторов, определяющих развитие сотрудни-

чества России и стран США в указанных условиях, а также представить рекомендации по укреплению сотрудничества в нефтегазовой сфере.

Экономика и энергетическая безопасность. Реализация новых энергетических проектов для России важна с точки зрения увеличения ресурсной ренты, а также поддержания уровня добычи и рентабельности нефтегазовых компаний, что особенно актуально в условиях падения цен на углеводороды. Энергетические проекты России в США играют важную роль в развитии экономики и инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также в создании новых рабочих мест. Это позволяет Москве повысить энергетическую и экономическую безопасность за счёт снижения зависимости от европейского рынка, а также проводить более независимую внешнюю политику.

Экономические мотивы Китая в укреплении энергетического сотрудничества с Россией заключаются в обеспечении значимого сухопутного канала поставок энергоресурсов. Китаю важна диверсификация поставок углеводородов как для поддержания конкуренции поставщиков, так и для поддержания энергетической безопасности за счёт функционирования нескольких крупных независимых каналов поставки углеводородов. Пекин стремится к соблюдению баланса между коммерческой и геополитической выгодой, но, в первую очередь, руководствуется экономическими соображениями, о чем свидетельствуют значительные поставки углеводородов из Центральной Азии и Ближнего Востока, которые подвержены определённым геополитическим рискам, но компенсируются низкой стоимостью сырья.

Организацию трубопроводных поставок углеводородов из России можно рассматривать как один из первых шагов Пекина на пути переоценки геополитических рисков поставок в условиях возрастающей международной турбулентности. В частности, исходя из известных условий газовой сделки, Россия за отсутствие геополитических рисков и стабильность поставок получает от Китая существенную премию по сравнению с ценой трубопроводного газа из Центральной Азии. Таким образом, заключение контрактов на привилегированных для России условиях свидетельствует об учёте Китаем геополитических рисков и о готовности оплачивать их отсутствие.

Для Японии экономическим обоснованием сотрудничества с Россией является поддержание конкуренции поставщиков, а в случае строительства газопровода Токио получит новый для себя способ доставки энергоресурса с принципиально отличным от СПГ ценообразованием.

Токио стремится к диверсификации поставок по странам и регионам, не позволяя какой-либо стране или региону занимать чрезмерно высокую долю рынка [11], которая составляет, по разным оценкам, от 15 % до 20 % [14]. Объём российского экспорта энергоресурсов в Японию может быть значительно увеличен без превышения предельного показателя. В то же время Токио, проявляя готовность повысить значимость РФ в рамках своей диверсификационной стратегии, стремится не попасть в зависимость, рассматривая её как важного, но не единственного поставщика. В свою очередь, для Москвы важно диверсифицировать поставки не только в направлении США, но и между странами региона, не позволяя основному импортёру российских энергоресурсов – Китаю – занимать чрезмерную долю в российском экспорте и диктовать свои условия. Поэтому цели Москвы и Токио в вопросе диверсификации соответственно экспорта и импорта энергоресурсов совпадают.

В энергетике РК наблюдается недостаточная диверсификация импортёров: более 85 % нефти и более 55 % природного газа поступает из стран Ближнего Востока [22]. РК проводит взвешенную политику по снижению рисков, принимая во внимание возможные сбои поставок и

колебания на мировых энергетических рынках, и в этой связи для Сеула поставки углеводородов из России, с точки зрения диверсификации поставок и снижения транзитных рисков, также весьма важны.

Финансы. Российские нефтегазовые компании традиционно получали финансирование на рынках капитала США и ЕС, однако ввод в 2014 г. экономических санкций существенно ограничил возможности кредитования. В связи с тем, что собственные инвестиционные ресурсы российских нефтегазовых компаний и свободная ликвидность российских банков скудны, а против привлечения средств из бюджетных источников, в частности, из Фонда национального благосостояния России, выступают министерства экономического блока, перед российскими нефтегазовыми компаниями остро стоит проблема поиска альтернативного источника финансирования для реализации инвестиционных программ, в том числе в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Для решения этой задачи Москва стремится к улучшению инвестиционной привлекательности, реализуя ряд мер экономического, институционального и законодательного характера. К ним следует отнести учреждение Министерства по развитию Дальнего Востока, создание территорий опережающего развития, формирование свободного порта Владивосток, обеспечение государственной инфраструктурной поддержки инвестиционных проектов, запуск работы Фонда развития Дальнего Востока, проведение Восточного Экономического Форума и др.

Москва полагает, что наиболее перспективным альтернативным рынком капитала для российского нефтегазового сектора является Китай. Однако на практике 2015 г. показал, что ключевые китайские банки крайне неохотно идут на предоставление займов российским государственным банкам и компаниям, попавшим под санкции. Российскому рынку китайские финансовые институты прагматично предпочитают более стабильные рынки США, ЕС и Японии, а также финансирование собственной экономики. При этом активность на российском рынке проявляют только несколько государственных банков развития [4].

Из-за сложностей с привлечением капитала из Китая Москва стала проявлять интерес к японскому и, в меньшей степени, к южнокорейскому рынку. Следует отметить, что в 2014 г. Япония присоединилась санкциям G7 в отношении России, однако ввела их в наименее жёстком формате и продемонстрировала готовность к продолжению диалога. РК к санкциям формально не присоединилась, однако фактически воздерживается от поощрения новых совместных проектов. Корейские банки ограничивают операции с Россией, ссылаясь на международные правила.

Несмотря на зависимость от Вашингтона в принятии внешнеполитических решений, Токио и Сеулу удаётся проявлять, скорее, символическую поддержку действий США, например, в виде словесных заявлений или принятия на себя определённых ограничительных мер без их законодательного закрепления. Имплементация антироссийских санкций и её масштабы определяются Токио и Сеулом в целом самостоятельно, но с проведением консультаций с Вашингтоном.

Финансовое сотрудничество Японии и Южной Кореи, стран с высокой степенью обеспеченности капиталом, и России, страны с низкой степенью такой обеспеченности, может быть взаимовыгодно за счёт относительно высокой рентабельности нефтегазовых проектов России. Так, в ходе конференции «Россия-Япония» в ноябре 2015 г. глава «Роснефти» И. Сечин отметил, что компания предлагает стандартизированные и уже опробованные условия по вхождению в капитал в высокорентабельные российские проекты, которые не требуют никакой специальной проработки на политическом и административном уровне [15].

В то же время, учитывая неблагоприятный инвестиционный климат в России, а также соблюдение Японией и РК негласного правила не получать односторонние преимущества в результате введения США антиросийских санкций, в частности, не выдавать российским нефтегазовым компаниям кредиты, пользуясь уходом с российского рынка американских конкурентов [13], ожидать каких-либо прорывов в финансовом сотрудничестве не приходится.

Политические отношения. Политические связи между Москвой и Пекином в настоящее время находятся на самом высоком уровне за всю их историю. Китай стремится капитализировать их в выгодные экономические контракты, в том числе, в области энергетики, однако пока уровень политических контактов значительно превосходит экономическое взаимодействие. Со стороны российской политической и экономической элиты отсутствует реальная заинтересованность в создании условий вхождения китайского капитала в российские нефтегазовые проекты. Несмотря на декларирование отсутствия ограничений для китайских партнёров, в российской энергетике по-прежнему преобладают государственно-ориентированный подход и практика, связанная с обогащением элит через участие аффилированных структур в нефтегазовых и инфраструктурных проектах. В качестве примера можно привести провал переговоров по Ванкору, а также отказ от финансирования и строительства Китаем «Силы Сибири», учитывая тот факт, что Пекин предлагал построить газопровод втрое дешевле [17].

Москва и Токио проявляют заинтересованность в заключении мирного договора и формировании добрососедских отношений, чему препятствует проблема принадлежности южных Курильских островов. Нынешняя интенсификация политических контактов на высшем уровне обусловлена тем, что в Токио полагают, что расширение экономического сотрудничества с Москвой сможет смягчить её позицию по территориальной проблеме, а Россия, в свою очередь, надеется получить японские инвестиции и технологии, сведя к минимуму возможные будущие территориальные уступки.

Визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Сочи в мае 2016 г. был важен для Москвы как демонстрация ослабления изоляции: ближайший союзник США ведёт самостоятельный диалог с Россией и не соблюдает дисциплину G7. Это даже создало впечатление, что председательствующий в G7 Абэ посчитал необходимым накануне саммита этой организации провести консультации с президентом России [23]. В 2016 г. внешнеполитическая активность США, увлечённых предвыборной гонкой, снизилась, чем и воспользовался Абэ для интенсификации контактов с Москвой. Однако политическое давление Вашингтона на Токио, вероятно, снова возрастёт в начале 2017 г., когда новый президент США вступит в должность и проведёт ревизию внешнеполитического курса.

Следует отметить, что в Японии растёт озабоченность, что политическое и экономическое сближение России и Китая в перспективе может иметь антияпонскую направленность, и по этой причине администрация Абэ считает более тесные отношения с Россией важным противовесом китайскому влиянию в регионе. Эта цель находит своё отражение в «Голубой книге» МИД Японии за 2016 г., где отмечается, что развитие связей с Россией способствует японским интересам и региональному миру и процветанию [20]. В данном контексте, развитие энергетического сотрудничества Японии с Россией рассматривается как уравновешивающая сила, противостоящая сценарию «дружбы» Москвы и Пекина. Одновременно с этим в Токио ожидают, что поставки российского газа

в Китай снизят конкуренцию за энергоресурсы в регионе, что будет способствовать выгодному для Японии снижению цен.

В подтверждение политических причин заинтересованности Токио в развитии энергетического сотрудничества с Москвой можно привести предложение Абэ в ходе визита в Сочи в мае 2016 г. плана обширного экономического сотрудничества, состоящего из восьми пунктов и включающего проекты строительства заводов по переработке сжиженного газа, воздушных и морских портов и другой инфраструктуры, в первую очередь, на Дальнем Востоке. Экономическая целесообразность этих проектов в современных российских макроэкономических реалиях неочевидна. Предложения, скорее, выглядят как поддержка российской экономики, поэтому следует полагать, что их истиной причиной является политическая цель – смягчение позиции Москвы по вопросу принадлежности южных Курильских островов за счёт реализации выгодных для России проектов, а также создание некоего противовеса китайскому влиянию.

Российско-южнокорейские отношения переживают не лучшие времена. Об этом свидетельствуют редкие политические контакты на высшем уровне, противоположные позиции по многим вопросам международной проблематики, согласие РК на размещение американской системы ПРО ТНААД и двукратное снижение объёма импорта из РК. Несмотря на череду ракетных запусков, осуществлённых Пхеньяном в 2016 г., Москва пытается убедить Сеул в безальтернативности политико-дипломатических методов в урегулировании проблемы Корейского полуострова и неэффективности политики изоляции и давления, в то время как Сеул настаивает на изоляции Пхеньяна [16]. Россия предлагает начать обсуждение проблемы обеспечения мира и безопасности в СВА не военными, а политическими средствами, путём возобновления шестисторонних переговоров без каких-либо предварительных условий, что не устраивает РК, США и Японию.

Россия заинтересована в налаживании добрососедских отношений между странами Корейского полуострова, в том числе, путём вовлечения КНДР в трёхсторонние энергетические и транспортные проекты, однако РК скептически настроена и в отношении проектов с участием Северной Кореи. Так, в 2014 г. Сеул заявлял о готовности присоединиться к проекту Хасан-Раджин, однако после проведённых КНДР ядерных испытаний был вынужден отказаться от участия в проекте. Таким образом, политический фактор в настоящее время оказывает негативное влияние на развитие энергетического сотрудничества Москвы и Сеула.

Технологии. Технологические санкции со стороны ЕС и США предусматривают запрет на поставки услуг, товаров и технологий при разработке и добыче сланцевой, глубоководной и арктической нефти на территории России, а также в исключительной экономической зоне России и на глубине более 150 метров на морском шельфе за Полярным кругом. В частности, под запрет попали мобильные буровые вышки, морские платформы, плавучие буровые платформы, оборудование для разработки арктического шельфа и сланцевых запасов. Технологические санкции нацелены не на действующие проекты, а на потенциальные месторождения с трудноизвлекаемыми запасами, на которых нефть и газ могли бы добывать через несколько лет, замещая падающую добычу на традиционных месторождениях Западной Сибири [6]. Таким образом, если снижение цен на углеводороды бьёт по месторождениям, где добыча становится нерентабельной из-за высокой себестоимости, то технологические санкции ведут к сокращению будущей добычи из-за ограничения поставок оборудования, комплектующих, технологий и программного обеспечения.

Российская энергетика в ряде сегментов сильно зависит от иностранных технологий, оборудования и комплектующих, поэтому уход с рынка иностранных компаний из-за санкций может привести к снижению эффективности добычи и замедлению темпов освоения новых месторождений. Запрет на поставку товаров и технологий, необходимых для геологоразведки и бурения на месторождениях на глубоководных участках и арктическом шельфе, введенный ЕС и США, затрагивает 90 % российского нефтяного сектора и почти всю российскую газодобычу [9]. Эти меры заставили российские нефтегазовые компании заморозить или замедлить реализацию проектов на континентальном шельфе и в Арктике. В связи с этим, остро встает проблема импортозамещения, которое пока испытывает значительные трудности, а также вопрос организации поставок с альтернативных ЕС и США рынков.

Россия проявляет интерес к китайскому нефтесервисному рынку, где западные компании производят большую часть своего оборудования. Среди китайских нефтесервисных компаний уже есть примеры создания в России представительств и филиалов гарантийного обслуживания и складов запасных частей. Китай становится заметным игроком на рынке высокотехнологичного оборудования для добычи углеводородов, в первую очередь, за счет ценового фактора. Однако существуют технологии и оборудование для добычи сланцевой, глубоководной и арктической нефти, которыми в мире обладают лишь несколько поставщиков, в том числе, из Японии и РК, но не из Китая.

Технологические санкции привели к сокращению импорта в Россию промышленного оборудования, ужесточению режима выдачи лицензий на поставку высокотехнологичного оборудования из-за проблем с кредитованием в Японии и РК крупных проектов, предназначенных для экспорта в Россию, что наносит ощутимый ущерб японской и южнокорейской экономике. Из-за проблем с закупкой оборудования в Японии и РК российские компании переориентируются на других поставщиков подобной продукции, что также несёт убытки японским и южнокорейским производителям.

* * *

Энергетика является важным драйвером развития сотрудничества России и стран США. Наблюдается рост поставок в рамках действующих проектов, а также ведётся диалог по перспективным проектам. Однако падение цен на углеводороды, негативная экономическая ситуация в России, политические разногласия между Москвой с одной стороны и Токио, Сеулом и Вашингтоном с другой, политика финансовых и технологических санкций в отношении России делают новые проекты трудноосуществимыми, поэтому потенциал энергетического сотрудничества во многом остаётся не реализованным.

Москва продолжает придерживаться этатистской модели в развитии энергетике. Несмотря на декларируемое отсутствие каких-либо рамок к вхождению в российские стратегические нефтегазовые проекты, Москва в ряде случаев продолжает ограничивать участие в них китайского капитала. В нынешних условиях перспективным форматом сотрудничества с Японией и РК выглядит допуск их миноритарного капитала в проекты по разработке, переработке и транспортировке углеводородов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, которые не подпадают под действие западных санкций.

Замещение европейских и американских капиталов и технологий китайскими оказалось недостаточным, и Москва надеется на повышение роли в этих вопросах Японии и РК. Однако ограниченность энергетического сотрудничества с ними обусловлена не столько политическими

противоречиями, сколько неблагоприятным инвестиционным климатом в РФ. Бизнес не может руководствоваться только политическими сообщениями, а принимает решения на основании оценки ожидаемой доходности инвестиций и связанных с ними рисков.

Что касается российской экономики, то за последние несколько лет эти риски возросли. К традиционным рискам нестабильности правового и налогового регулирования, постоянному изменению условий ведения бизнеса и привилегированному положению российских госкорпораций добавились валютные колебания и санкции. Авторам представляется, что существенно снизить риски вхождения в проекты могут финансовые гарантии государства и надёжных российских банков, однако пока Москва этого не предлагает. Поэтому, несмотря на высокий уровень политических контактов, ожидать существенного прогресса в развитии энергетического сотрудничества со странами СВА без снижения рисков для бизнеса нецелесообразно.

На китайском направлении Москве следует сосредоточиться на газовых проектах, а также на налаживании технологического и финансового сотрудничества на долгосрочной основе с учётом представленных выше рекомендаций.

Важным фактором может стать проявление политической воли лидерами России и Японии, которые заинтересованы в качественном повышении уровня двустороннего сотрудничества. Так, ожидается, что в ходе визита Президента РФ Путина в Японию в декабре 2016 г. будут заключены важные соглашения в различных сферах экономического сотрудничества, в том числе энергетике.

Если на китайском и японском направлениях наблюдается интенсивный экономический и политический диалог, то по отношению к Сеулу Москва не проявляет должного интереса. Потенциальная возможность участия Сеула в российских нефтегазовых проектах может создать конкуренцию Токио, что отвечает экономическим интересам Москвы. Также России следует обратить внимание на технологические возможности РК, в том числе по строительству нефтегазовых платформ и танкерного флота.

Кроме того, при выстраивании энергодиалога с партнёрами в СВА Москве следует учитывать особенности азиатской модели ведения бизнеса, предполагающей глубокий анализ, большее внимание к деталям, длительный процесс принятия решений и долгосрочный подход к планированию: инвестиционный горизонт составляет в среднем 10–15, а иногда 20 и более лет.

Литература

1. База данных таможенной статистики внешней торговли Российской Федерации // ФТС, [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:3446182209762483::NO> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

2. Барсуков Ю. «Газпром» встал в третью очередь // Коммерсант. 2015, 31 июля, [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/2778888> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

3. Внешнеэкономическая деятельность Сахалинской области // Губернатор и правительство Сахалинской области. 2016, 9 марта, [Электронный

ресурс]. URL: <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=152> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

4. Габуев А. Поворот в никуда: итоги азиатской политики России в 2015 году // Московский центр Карнеги. 2015, 29 декабря, [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2015/12/29/ru-62369/ioe2> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

5. Зубков И. Игла пришла в движение // Российская газета. 2016, 09 февраля, [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/02/09/dolia-nefteproduktov-i-gaza-v-rossijskom-eksporte-snizilas-na-10.html> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

6. Казначеев П. Санкции замедленного действия, или Россия в нефтяной ловушке // Slon.ru 2014, 12 декабря, [Электронный ресурс]. URL: https://slon.ru/economics/sanktsii_zamedlennogo_deystviya_ili_rossiya_v_neftyanyu_lovushke-1194826.xhtml (дата обращения: 10.10.2016 г.).

7. Калюков В. «Роснефть» заморозит строительство СПГ-завода на Сахалине // РБК. 2015, 7 апреля, [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/business/07/04/2015/5523cf059a7947e30bc28798> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

8. Клименко О. В Приморье порт Козьмино доработался до бенчмарка // Газета «Золотой Рог». 2015, 3 апреля, [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_03.04.2015_71775_v-primorje-port-kozminodorabotalsja-do-benchmarka.html? (дата обращения: 10.10.2016 г.).

9. Подобедова Л., Сотникова А., Лемешко А. Санкции США ударили по 90 % российских нефтегазовых компаний // РБК. 2014, 12 сентября, [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/12/09/2014/948761.shtml> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

10. Порт Козьмино перевыполнил план по отгрузке нефти в 2015 году // ООО «Транснефть – Порт Козьмино». 2016, 14 января, [Электронный ресурс]. URL: <http://smnpk.transneft.ru/press/news/?id=30832> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

11. Реутов Д. Вызовы и перспективы российско-японского газового сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 3. С. 56–67.

12. Старинская Г. Дворкович пообещал Китаю контроль над российской нефтью // Ведомости. 2015, 01 марта, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/01/neft-techet-v-kitai> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

13. Стрельцов Д. Российско-японские отношения: системный кризис или новые возможности? // Российский совет по международным делам. 2015, 27 января, [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5153#top-content (дата обращения: 10.10.2016 г.).

14. Стрельцов Д. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО-университета. 2016, № 1. С. 93–105.

15. Тимонина И.Л. Россия-Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // Японские исследования. ИДВ РАН. 2016, № 1. С. 27.

16. Толорая Г. Россия – Южная Корея: можно ли договориться по-соседски? // Российский совет по международным делам. 2016, 1 сентября, [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8072#top-content (дата обращения: 10.10.2016 г.).

17. Топалов А. Дорогая «Сила Сибири» // Газета.RU. 2017, 9 июля, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/07/09/6107453.shtml> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

18. Торкунов А., Панов А. Энергетическое окно в Японию // Независимая газета. 2015, 13 января, [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-01-13/4_japan.html (дата обращения: 10.10.2016 г.).

19. Энергетическая стратегия России на период до 2035 г. // Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

20. Brown J. Japan's 'New Approach' to Russia // *The Diplomat*. June 18, 2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/japans-new-approach-to-russia/> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
21. BP Statistical Review of World Energy 2016 // London: BP, 2016. 48 p.
22. Countries Analysis: South Korea // U. S. Energy Information Administration, [Электронный ресурс]. URL: http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/South_Korea/south_korea.pdf (дата обращения: 10.10.2016 г.).
23. Meyer H. Abe Eases Putin's Isolation With Talks on Territorial Dispute // *Bloomberg*. May 6, 2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-05-05/abe-breaks-putin-s-isolation-as-rare-g-7-leader-to-visit-russia> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
24. Pollmann M. How Japan and Russia Cooperate in the Arctic // *The Diplomat*. March 10, 2016, [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/how-japan-and-russia-cooperate-in-the-arctic/> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
25. Saneev B., Sokolov D. Russia's Energy Development in Eastern Siberia and the Far East and Relations with East Asian Countries in the Energy Sector // *Russia and East Asia: informal and gradual integration*, ed. Tsuneo Akaha and Anna Vassilieva. New York: Routledge, 2014. p. 181–199.
26. Sevastyanov S. The More Assertive and Pragmatic New Energy Policy in Putin's Russia: Security Implications for Northeast Asia // *East Asia: An International Quarterly*. 2008. V. 25. № 1. P. 35–55.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Baza dannykh tamozhennoj statistiki vneshnej torgovli Rossijskoj Federatsii // FTS, [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:3446182209762483::NO> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
2. Barsukov YU. «Gazprom» vstal v tret'yu ochered' // *Kommersant*. 2015, 31 iyulya, [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/2778888> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
3. Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Sakhalinskoj oblasti // *Gubernator i pravitel'stvo Sakhalinskoj oblasti*. 2016, 9 marta, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=152> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
4. Gabuev A. Povорот v nikuda: itogi aziatskoj politiki Rossii v 2015 godu // *Moskovskij tsentr Karnegi*. 2015, 29 dekabrya, [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2015/12/29/ru-62369/ioe2> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
5. Zubkov I. Igla prishla v dvizhenie // *Rossijskaya gazeta*. 2016, 09 fevralya, [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/02/09/dolia-nefteproduktov-i-gaza-v-rossijskom-eksporte-snizilas-na-10.html> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
6. Kaznacheev P. Sanktsii zamedlennogo dejstviya, ili Rossiya v neftyanoj lovushke // *Slon.ru* 2014, 12 dekabrya, [Электронный ресурс]. URL: https://slon.ru/economics/sanktsii_zamedlennogo_deystviya_ili_rossiya_v_neftyanoj_lovushke-1194826.xhtml (дата обращения: 10.10.2016 г.).
7. Kalyukov V. «Rosneft» zamorozit stroitel'stvo SPG-zavoda na Sakhaline // *RBK*. 2015, 7 aprelya, [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/business/07/04/2015/5523cf059a7947e30bc28798> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
8. Klimenko O. V Primor'e port Koz'mino dorabotalsya do benchmarka // *Gazeta «Zolotoj Rog»*. 2015, 3 aprelya, [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_03.04.2015_71775_v-primorje-port-kozmino-dorabotalsja-do-benchmarka.html? (дата обращения: 10.10.2016 г.).
9. Podobedova L., Sotnikova A., Lemeshko A. Sanktsii SSHA udarili po 90 % rossijskikh neftegazovykh kompanij // *RBK*. 2014, 12 sentyabrya, [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/12/09/2014/948761.shtml> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

10. Port Koz'mino perevypolnil plan po otgruzke nefi v 2015 godu // ООО «Transneft' – Port Koz'mino». 2016, 14 yanvarya, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://smnpk.transneft.ru/press/news/?id=30832> (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
11. Reutov D. Vyzovy i perspektivy rossijsko-yaponskogo gazovogo sotrudnichestva // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 56–67.
12. Starinskaya G. Dvorkovich poobeshhal Kitayu kontrol' nad rossijskoj neft'yu // Vedomosti. 2015, 01 marta, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/01/neft-techet-v-kitai> (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
13. Strel'tsov D. Rossijsko-yaponskie otnosheniya: sistemnyj krizis ili novye vozmozhnosti? // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 2015, 27 yanvarya, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5153#top-content (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
14. Strel'tsov D. Rossijsko-yaponskie torgovo-ehkonomicheskie otnosheniya: est' li novaya tochka opory? // Vestnik MGIMO-universiteta. 2016, № 1. S. 93–105.
15. Timonina I.L. Rossiya-Yaponiya: real'nyj potentsial ehkonomicheskogo vzaimodejstviya // YAaponskie issledovaniya. IDV RAN. 2016, № 1. S. 27.
16. Toloraya G. Rossiya – YUzhnaya Koreya: možno li dogovorit'sya pososedski? // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 2016, 1 sentyabrya, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8072#top-content (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
17. Topalov A. Dorogaya «Sila Sibir» // Gazeta.RU. 2017, 9 iyulya, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/07/09/6107453.shtml> (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
18. Torkunov A., Panov A. EHnergeticheskoe okno v YAponiyu // Nezavisimaya gazeta. 2015, 13 yanvarya, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-01-13/4_japan.html (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
19. EHnergeticheskaya strategiya Rossii na period do 2035 g. // Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve RF [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf> (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
20. Brown J. Japan's 'New Approach' to Russia // The Diplomat. June 18, 2016, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/japans-new-approach-to-russia/> (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
21. BP Statistical Review of World Energy 2016 // London: BP, 2016. 48 p.
22. Countries Analysis: South Korea // U. S. Energy Information Administration, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/South_Korea/south_korea.pdf (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
23. Meyer H. Abe Eases Putin's Isolation With Talks on Territorial Dispute // Bloomberg. May 6, 2016, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-05-05/abe-breaks-putin-s-isolation-as-rare-g-7-leader-to-visit-russia> (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
24. Pollmann M. How Japan and Russia Cooperate in the Arctic // The Diplomat. March 10, 2016, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/how-japan-and-russia-cooperate-in-the-arctic/> (data obrashheniya: 10.10.2016 g.).
25. Saneev B., Sokolov D. Russia's Energy Development in Eastern Siberia and the Far East and Relations with East Asian Countries in the Energy Sector // Russia and East Asia: informal and gradual integration, ed. Tsuneo Akaha and Anna Vassilieva. New York: Routledge, 2014. p. 181–199.
26. Sevastyanov S. The More Assertive and Pragmatic New Energy Policy in Putin's Russia: Security Implications for Northeast Asia // East Asia: An International Quarterly. 2008. V. 25. № 1. P. 35–55.